

Единодушный призыв интернет-пользователей мгновенно перенаправил всё давление на Исследовательский институт «Хунсо».

Официальный аккаунт учреждения в социальной сети ежедневно атаковали тысячи людей. Они требовали немедленно возобновить работу над «Люйиньсуй» и исправить прошлые ошибки, не оставляя препарату «Цзякэтин» ни единого шанса на рынке.

Слово «ошибка» больно жалило руководство «Хунсо».

Людам, особенно облечённым властью в высоких кабинетах, крайне сложно признавать свои промахи. К тому же у них была своя правда, горькая и неудобная. В своё время они лишь пошли на поводу у общественного мнения, сделав шаг назад. И теперь в Институте считали, что вину за случившееся нельзя возлагать исключительно на них.

Официальный блог организации упорно «играл в молчанку».

Однако, несмотря на внешнее спокойствие в сети, внутри самого учреждения всё бурлило, словно в котле, который вот-вот взорвётся. Масштаб последствий был колоссальным: никто и представить не мог, что всего за два года ситуация изменится столь кардинально.

Общественность, которая когда-то яростно требовала уничтожить «Люйиньсуй», теперь видела в препарате единственный маяк надежды. И это ожидание было куда более неистовым и нетерпеливым, чем в те времена, когда лекарство ещё даже не прошло первую фазу испытаний.

Институт «Хунсо» оказался в крайне неловком положении.

Цзян Вэйдэ забросил лекции в Университете А, проводя всё время на бесконечных совещаниях. Директор Чжу Янь тоже экстренно вернулся из санатория «Линхэ», чтобы взять бразды правления в свои руки.

Но Ли Жун не собирался оставлять этих вконец измотанных стариков в покое. У него в рукаве оставалась ещё одна карта, которую он до сих пор не решался разыграть, опасаясь спугнуть удачу.

Теперь время пришло.

Сюй Вэй, приняв звонок от Ли Жуна, замер.

«Неожиданно, но вполне закономерно»

В его голове промелькнула эта мысль. До него давно долетали вести о событиях на родине. Эта история вызвала широкий резонанс даже в стране, где он теперь преподавал.

Ли Цинли был учёным с мировым именем. Его гипотеза уже цитировалась во множестве научных работ. Не только Институт «Хунсо» сейчас судорожно пытался наверстать упущенное — многие зарубежные лаборатории вели исследования в этом направлении.

Когда он узнал, что доброе имя Ли Цинли и Гу Нун восстановлено, а «Люйиньсюй» вновь признан, его первым чувством стало облегчение. Тяжёлый камень, почти два года давивший на сердце, наконец рассыпался в прах. Профессор мог простить самого себя и прекратить эту бесконечную внутреннюю пытку.

Но при этом его чувства к Ли Жуну оставались крайне противоречивыми. Юноша лишил его будущего в родной стране, вынудив искать кусок хлеба на чужбине. В своё время тот во всеуслышание заявил, будто Сюй Вэй сам помог ему привести в порядок ту самую гипотезу. Это была наглая ложь, переворачивающая всё с ног на голову.

Но Сюй Вэй не мог оправдаться. Показания Хуан Байкана полностью совпали со словами Ли Жуна. Никто бы не поверил, что обычный школьник способен самостоятельно подготовить и опубликовать такую сложную научную статью. А он, профессор биохимии, знаток своего дела, когда-то благодетельствованный Ли Цинли, выглядел как идеальный наставник, решивший помочь сыну учителя из чувства долга.

Самое ироничное заключалось в том, что все считали его поступок благородным, хотя на самом деле он не помогал парню, а пытался его уничтожить.

Именно поэтому сегодня собеседник не находил в себе сил ненавидеть юношу.

— Мы никогда не встречались, и я не понимаю, зачем вы мне звоните, — голос Сюй Вэя звучал отчуждённо. — У нас большая разница во времени, и мне пора спать.

Ли Жун усмехнулся:

— Профессор Сюй, вы и вправду не понимаете, зачем я вас ищущу? Мы оба люди неглупые, так что давайте обойдёмся без загадок.

Слыша этот уверенный тон, Сюй Вэй окончательно утвердился в мысли: крах «Сухэ Био» напрямую связан с Ли Жунуном. Если бы он столкнулся с этой стороной Ли Жуна впервые, то никогда бы не поверил, что студент-первокурсник способен на столь филигранную

многоходовочку. Но профессор на собственной шкуре прочувствовал всё, что случилось год назад, и знал: этот студент по-настоящему опасен.

Тот умел выжидать, умел использовать обстоятельства в свою пользу и мог без малейших усилий вышвырнуть на улицу блестящего учёного.

Сюй Вэй сделал глубокий вдох и решился задать вопрос, ответ на который и так уже знал:

— Гипотезу твоего отца... это ведь ты подготовил и опубликовал её, верно?

Теперь скрываться не было смысла. Ли Жун ответил буднично и легко:

— Разумеется. Если не я, то кто же ещё?

Сюй Вэй нахмурился, в его голосе прорезалось раздражение:

— Но как это возможно? Это же...

Это были новейшие наработки почётного профессора Института «Хунсо». Даже опытные исследователи не всегда могли с ходу вникнуть в суть дела, не говоря уже о том, чтобы собрать разрозненные мысли в единую, логически выверенную теорию и успешно пройти рецензирование. Даже самому Сюй Вэю на это потребовалось бы немало времени.

Разве что Ли Цинли когда-то передал сыну законченную статью и терпеливо разъяснил все принципы. Но даже в этом случае убедить рецензентов было бы крайне непросто.

Ли Жун холодно рассмеялся:

— Нет ничего невозможного. Вы ведь тоже не верили, что когда-нибудь дело моих родителей будет пересмотрено.

Профессор замолчал. Возможно, именно таким и должен был быть сын Ли Цинли и Гу Нун. Его талант заставлял других чувствовать безнадёжное отставание и сомневаться в самом смысле выбора этой профессии.

Ли Жун взглянул на часы. Разница с Сюй Вэем составляла двенадцать часов — там сейчас была полночь.

— «Сухэ Био» уничтожена. Чжэн Чжупань и его сообщники осуждены, — произнёс Ли Жун. — Теперь ты можешь сказать мне, что именно ты забрал из моего дома?

Воцарилась долгая тишина. Ли Жун уже собирался надавить сильнее, используя психологические приёмы, но Сюй Вэй заговорил первым.

— Ли Жун, довольно. Ты сделал всё, что мог. Ты отомстил за родителей.

Юноша не ожидал такого ответа. На мгновение он застыл в оцепенении, но быстро сообразил: Сюй Вэй не связан с «Сухэ Био»! Его визит в дом с целью уничтожить рукописи отца вовсе не был приказом Чжэн Чжупаня.

Теперь, когда старик Чжэн был повержен, Сюй Вэй нечего было бояться. Но раз он до сих пор хранит молчание, значит, у него есть другие причины для опасений. А боится он потому, что человек, отдавший тот приказ, всё ещё обладает огромной властью и до сих пор не побеждён!

В голове Ли Жуна молнией пронеслись два имени: Хань Цзян, Чжу Янь... Кто ещё способен так запугать учёного, чтобы тот дрожал от одного упоминания? Только люди такого калибра.

— Кто это был?! — выпалил Ли Жун. — Кто приказал тебе уничтожить рукописи отца?

Но в трубке раздались лишь короткие гудки. Сюй Вэй отключился. Ли Жун попытался перезвонить, но обнаружил, что его номер уже в чёрном списке.

Он не стал навязываться с другого телефона. Сюй Вэй явно упёрся и ничего не скажет, а достать его за океаном сейчас невозможно. Ли Жун потёр лицо и, закрыв глаза, погрузился в раздумья.

С самого начала юноша подозревал, что в этой истории замешано несколько сил. Сюй Вэй явно представлял вторую сторону. Им было плевать на судьбу «Сухэ Био», но они жаждали смерти его родителей тогда, два года назад.

Неужели это Хань Цзян? Но логическая цепочка пока не выстраивалась.

Немного досадуя на неудачу, Ли Жун захлопнул ноутбук. Под давлением общественности Институт «Хунсо» рано или поздно согласится перезапустить «Люйиньсюй», и тогда эта «вторая сила» наверняка проявит себя. То, что должно быть узнано, рано или поздно станет явным. Сейчас он уже не боялся вступать в открытую борьбу.

По крайней мере, пока Институт принимает решение, он может позволить себе небольшую передышку.

Странно было другое: пока «Хунсо» находился в эпицентре бури, его старый противник — Объединённая палата «Ланьшу» — даже не попытался воспользоваться моментом. После ликвидации Шестого района палата понесла серьёзные потери, её влияние пошатнулось, и сейчас был бы идеальный момент, чтобы ударить по «Хунсо» и вернуть позиции.

Но они хранили ещё более глухое молчание, чем Институт. Словно у них внезапно отключили интернет, и они знать не знают о происходящем.

Если не считать Первый и Третий районы, которые тайно помогали, остальные районы старались держаться в стороне, боясь навлечь на себя лишние неприятности. Даже вечно заносчивый президент Четвёртого района Ху Юймин не спешил вставлять палки в колёса «Хунсо».

Хань Цзян уже знал, что Цэнь Сяо глубоко замешан в этом деле, но на этот раз он не стал вызывать племянника на разговор. Цэнь Сяо фактически забросил работу в Девятом районе, но от дяди не последовало ни единого упрёка.

Медиаресурсы, подконтрольные Лю Таньчжи, тоже молчали, словно машины, не получившие команды. Они затаились на дне информационного океана, предварительно вычистив все старые статьи, порочащие Ли Цинли.

— На этот раз Лю Таньчжи не вмешалась, — Ли Жун встал, вышел из кабинета и направился на кухню. Опершись спиной о столешницу, юноша подцепил пальцами вымытую ягоду клубники и отправил её в рот.

— Это лишний раз доказывает, что у Девятого района нет общих интересов с Биотехнологической компанией «Сухэ», — Цэнь Сяо стоял у раковины, по одной промывая ягоды под струёй воды. Он аккуратно отрывал хвостики и складывал сочную клубнику на тарелку. — Хань Цзян тогда ввязался в это по какой-то другой причине.

Он бесцеремонно стянул ещё одну ягоду.

— Честно говоря, я удивлён. Я уже приготовился нанести удар по Девятому району — выложить карту с Цзян Чжэн и окончательно свалить Хань Цзяна. Но они даже не шелохнулись.

Цэнь Сяо закончил мыть клубнику и стряхнул воду с рук.

— То, что они не вмешались, нам только на руку. Разбивать врагов поодиночке всегда проще, чем воевать со всеми сразу.

Ли Жун согласно кивнул, а затем вспомнил о Линь Цине:

— Кстати, у «Вацзин Энтертейнмент» оказалось немало врагов. Продюсеры шоу пересчитали голоса, и Линь Цинь занял первое место. За последние дни ему пришло уже несколько предложений о контракте от крупных агентств.

Цэнь Сяо перевёл взгляд на губы Ли Жуна, влажные от клубничного сока, и негромко

произнёс:

— Старое рушится, новое создается. Теперь он один из самых ценных артистов, неудивительно, что за него борются. К тому же эти компании не дураки: они понимают, что простой актёр без гроша за душой не смог бы в одиночку сокрушить такого гиганта, как «Вацзин». Раз Линь Цинь поднял такую бурю, значит, за ним кто-то стоит. Бизнесмены чувствуют такие вещи за версту. В этой жизни у Линь Циня появился козырь в лице Цзянь Фу.

Ли Жун ненадолго задумался.

В прошлой жизни Цзянь Фу был закоренелым натуралом, который заглядывался исключительно на западных топ-моделей. Из-за этого юноша долгое время полагал, будто Цэнь Сяо притащил его к себе домой лишь для того, чтобы унижить своими деньгами и статусом — что-то в духе пошлых сюжетов: «Раньше мы были равны, а теперь ты отработываешь долги, прислуживая мне».

До Ли Жуна дошло лишь сейчас:

— То есть Цзянь Фу сменил ориентацию из-за меня?

Какое мощное влияние «эффекта бабочки», если изменилась даже такая фундаментальная вещь. Ведь в прошлой жизни Линь Цинь и Цзянь Фу учились в одном классе, но вообще не пересекались.

Цэнь Сяо усмехнулся и, взяв клубнику, прижал её к губам Ли Жуна:

— Это я из-за тебя её сменил.

Ли Жун замер, затем медленно прикусил ягоду и втянул её в рот, кончиком языка коснувшись нижней губы.

Взгляд Цэнь Сяо мгновенно потемнел. Не в силах сопротивляться этому мимолётному вызову, он поддался вперёд, ловя губами этот сладкий вкус.

Губы Ли Жуна были влажными и мягкими, со вкусом спелой клубники. Он с жаром ответил на поцелуй, обвив руками шею Цэнь Сяо, и, подтянувшись, сел прямо на кухонную столешницу.

В голове юноши уже промелькнул сценарий дальнейших действий. Они пробовали это в палатке, но на кухне — ещё никогда.

Распалённый этой близостью, Цэнь Сяо углубил поцелуй. Ли Жун не уступал: его пальцы скользнули под воротник футболки любовника, сминая ткань и лаская кончиками пальцев

выступающие ключицы.

Кожа горела, дыхание становилось всё более хриплым и глубоким. Взрослые люди не привыкли ходить вокруг да около: если чего-то хочешь — бери, если жаждешь — говори прямо.

Оторвавшись от его губ, Ли Жун прошептал, глядя в глаза затуманенным взором:

— Возьми меня.

Цэнь Сяо не заставил себя ждать. Он крепко обхватил бёдра юноши, прижимая его к холодной плитке с узором из гардений. Напряжение достигло предела, страсть готова была вспыхнуть в любую секунду.

И тут в голове Цэнь Сяо мелькнула мысль. Он спросил:

— Слушай, а мы ведь на завтра заказывали билеты в Universal Studios?

Ли Жун на мгновение запнулся.

— Э-э...

Чтобы отметить промежуточную победу и немного расслабиться, они заранее купили билеты в парк развлечений на весь день. Говорили, что там куда круче и экстремальнее, чем в Диснейленде.

Цэнь Сяо скользнул взглядом вниз, оценивающе погладив бедро Ли Жуна.

— Если мы сейчас... ты завтра... как ты на американских горках-то будешь?

Ли Жун замер.

«Это действительно может стать проблемой. Но признать слабость в такой момент... было бы верхом позора»

Юноша закусил воротник своей футболки, задрал её до самой груди и поднял глаза, бросив на Цэнь Сяо многообещающий взгляд.

— И ты сможешь сейчас остановиться?

А затем добавил:

— Живее... трахни меня!

<http://bllate.org/book/15351/1572946>